

Нити любви

Р О М А Н Ы
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

| М а т в я н а
Т Р О Н И Н А

ОТБЛЕСК
БЕЗУМНОЙ ЗВЕЗДЫ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Оформление серии *С. Власова*

Ранее роман выходил под названием
«Солнечная богиня»

Тронина, Татьяна Михайловна.

Т73 Отблеск безумной звезды : [роман] / Татьяна
Тронина. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-096303-4

Однажды весной Павел приютил у себя девушку. Несчастливая не помнила, кто она и откуда. За те несколько недель, что прекрасная незнакомка прожила у мужчины, он успел влюбиться в нее. Девушка со спокойствием и достоинством отвечала на его любовь, а вскоре к ней вернулась память... Ее зовут Ольга, и у нее есть жених! Возвратившись к себе, Ольга постепенно начала готовиться к давно намеченной свадьбе. Только вот никак не ожидала среди родственников жениха вновь встретить своего спасителя...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096303-4

© Тронина Т., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Пролог

... Она стояла, прислонившись спиной к мраморной колонне, и казалось, будто ее фигура тоже выточена из мрамора: воплощение древней богини — прекрасной, но равнодушной ко всем людским горестям и радостям. Солнце пряталось в складках ее длинной белой одежды, а над головой, точно нимб, вилась золотая пыль. Это была самая обыкновенная пыль, которая свойственна всем присутственным местам, но рядом с этой женщиной любая мелочь невольно приобретала иной, мистический, смысл.

Она неподвижно смотрела в большое окно, поверх зарослей лохматых пальм в кадках — куда-то вдаль, туда, где утыкалась в ярко-синее небо игла Останкинской башни.

— М-да... — сказал профессор, очнувшись, и мизинцем почесал кончик носа. — Этуаль... С какой целью, интересно, она слетела в наш грешный мир?..

— Этуаль? — растерянно переспросил его мужчина.

И мужчина, и сам профессор — почтенный, в белом халате, с раздвоенной седой бородой, массивными очками на переносице — остановились чуть ниже,

у основания лестницы, от женщины их отделяли ступеней двадцать.

— «Этуаль» — звезда, выражаясь поэтическим языком, — пояснил профессор. — Очень эффектная женщина. Так вы, голубчик, утверждаете, что она даже имени своего не помнит?

— Нет, — печально ответил его собеседник. — Я потому и привел ее к вам, профессор, чтобы вы с этим разобрались... Хотя она просит, чтобы я ее называл Дезире.

— Как? Дезире? — оживился тот. — Очень любопытно... Наверное, тоже что-то из французской поэзии. Дезире, Дезире... М-да, как будто знакомое слово. А почему же вы думаете, что это не ее настоящее имя?

— Не знаю, — пожал плечами мужчина. — Оно слишком красиво, чтобы быть похожим на настоящее. Псевдоним, может быть...

— Ну да, — благосклонно кивнул профессор, оглаживая свою бороду. — Вообще интересный случай...

Женщина, не шевелясь, смотрела в окно, и ей как будто было безразлично, что внизу двое людей обсуждают ее.

— Именно — случай! — подтвердил мужчина. — Она попала ко мне совершенно случайно. Бог весть что было бы с ней, если бы я не взял ее тогда к себе. Я... просто хотел ей помочь. Вы не подумайте — я никаких таких целей перед собой не ставил!

— А я и не думаю, — благодушно проворчал профессор, снимая с плеча своего собеседника невидимую соринку.

— Она мне иногда кажется совершенно нормальным человеком. Такая спокойная, рассудительная... Говорит мало и неохотно, как будто ей лень или она не видит никакого смысла в словах. Все речи логичны и просты, в основном касаются того, что она хочет, что ей нравится, или наоборот. Ни одного лишнего слова! И еще: в ней нет агрессии, но и безудержного веселья тоже. Не сразу понимаешь, что она очень далека от этого мира. Например, мы с ней часто ходим по магазинам, пару раз заглянули в косметический салон — так вот, никого она не шокировала, персонал даже не догадался о ее состоянии! Но я-то уже понял, как мало ее связывает с окружающим миром. А потом Мануйлов рекомендовал мне вас, и я сразу же отправился сюда... Как вы думаете, профессор, что с ней такое может быть?

— Ну, я не бог, я диагноз вот так, на глазок, поставить не могу, — важно ответил профессор. — Тут необходимы серьезные исследования. Ее состояние может быть вызвано, например, черепно-мозговой травмой. Или инфекцией. Вирусной патологией. Интоксикацией. Стрессом. Да чем угодно! Я уж не говорю про наследственность!

— Но это... это можно как-то исправить? Ее можно вылечить? — с надеждой спросил мужчина.

— Сейчас лечится многое, практически все... — довольно запыхтел профессор. — Гипноз, ЭСТ, то бишь электросудорожная терапия, фармакология — нейролептики, транквилизаторы, антидепрессанты, ноотропы... Наука шагнула далеко вперед.

— Это хорошо, — внимательно выслушав профессора, пробормотал мужчина. — Я очень хочу, чтобы она однажды заговорила со мной. Не как с тенью, не как со слугой, исполняющим любую ее прихоть, а как с человеком.

— Для вас это так важно? — с интересом спросил профессор.

— Да.

Возникла небольшая пауза.

— Послушайте, голубчик, — наконец осторожно произнес профессор. — Правильно ли я вас понял?... Он затеребил дужку очков. — Знаете, это ведь не вполне этично, что вы воспользовались практически бессознательным состоянием вашей... вашей Дезире.

— Я знаю, — лицо у мужчины потемнело. — Я и не собираюсь оправдываться. Но она так захотела. Она жила у меня, и я ухаживал за ней, как за ребенком. Я же говорил уже — никаких таких целей я перед собой не ставил. А потом, в один прекрасный день, она зашла ко мне в комнату и... в конце концов, я тоже не каменный!

— Ее поведение в эти моменты?

— Вполне обычное. Естественное, — злясь на себя, мрачно произнес мужчина. — Она... я не знаю, как это объяснить... но для нее как будто нет ни добра, ни зла. Ее душа свободна, для нее не существует ни раскаяния, ни сожаления, ни мук совести. Она как солнце, как небо, как цветы... она — сама природа. Она захотела, чтобы я ее любил, и я не смог противиться ей. Вообще мне кажется, что это весь мир сошел с ума, лишь она

одна осталась нормальной... Господи, хотел бы я чувствовать себя таким же свободным, как она!

Профессор загадочно улыбнулся, а потом изрек:

— В Древней Греции символ свободной души обозначался буквой «пси» и ассоциировался с птицей или бабочкой. Психиатрия... Кстати, голубчик, я тоже не уверен, насколько нормальны мы все, и, вполне возможно, ваша Дезире — единственный счастливый человек в этом мире. И вообще понятие нормы настолько растяжимо... Психиатрия — уникальнейшая наука! — с восторгом произнес он. — В ней соединены данные о человеке и других науках, которыми он занимался и которые создал, о вселенской печали и неистовой радости, о переживаниях любви и смерти, утратах и приобретениях, о смысле жизни, в конце концов! Но что такое душа? Она связана с чувством, мыслью, другими людьми... Душа — это абсолютная загадка! До сих пор продолжается дискуссия о том, является психиатрия наукой или искусством, ведь многое здесь зависит от личности врача. Врач — это творец. Создатель. Если он талантлив, то он способен вернуть душу из ее дальних странствий в бренное человеческое тело!

Мужчина внимательно слушал профессора, не отрывая взгляда от той, что стояла на верхних ступенях лестницы.

— Так вы любите ее? — неожиданно спросил профессор. — Эту Дезире вашу?..

— Не знаю, — вздрогнул его собеседник. — Но я не могу думать ни о чем другом, кроме нее. Я, наверное, сам спятил! — с тоской воскликнул он.

— Ну-ну, голубчик, с кем не бывает! — профессор мельком оглядел себя и отряхнул подол своего халата. — Все мы когда-то проходили через это... Кстати, Авиценна в своем «Каноне врачебной науки» описывает две причины психических расстройств — глупость и любовь.

— Похоже, так оно и есть, — усмехнулся мужчина.

— Может случиться и так, что Дезире после своего выздоровления (тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!) забудет о вас, — осторожно произнес профессор. — И вы навсегда потеряете ее любовь.

— Что?

— Да, голубчик, такое тоже случается! Пройдет болезнь, пройдет и любовь.

— Разве это обязательно? — растерянно спросил мужчина.

— Это весьма вероятно, скажем так.

— Я бы этого не хотел.

— Увы, мой друг, — наши желания не всегда зависят от нас.

В разговоре снова возникла небольшая пауза.

— Однажды мне приснился сон, — признался мужчина, — что Дезире здорова. И что она — не Дезире, а зовут ее Катя, Света, или там Лена... И мы говорим о чем-то и не можем наговориться. Смеемся, целуем друг друга. Потом идем куда-то. Едем в путешествие. И все смеемся, смеемся, и такая радость переполняет меня! А потом я проснулся. И вспомнил, что ни разу не слышал ее смеха. Ни смеха, ни плача, — он сбился. — Знаете, это моя мечта — чтобы она добровольно решила остаться со мной, когда придет в себя.

В этот момент их разговор прервался — откуда-то из бокового коридора выплыла толпа студентов в белых халатах. Они шумно обсуждали что-то.

— Это деменция!

— Какая деменция, когда налицо типичное кататоническое расстройство!

— Иди к черту! Тоже мне, доктор Лектер...

— А ты алкоголик! — сердился кто-то в толпе.

— Тише, тише...

— А видели, как к Семеновой тот товарищ из десятой палаты привязался? Животики можно надорвать...

— И ничего смешного!..

— А я вам говорю, что это деменция...

Шумная толпа прошла дальше. Юные голоса эхом отзывались в широких коридорах старинного здания.

Женщина у колонн шевельнулась и стала медленно спускаться по лестнице. Складки белой одежды играли у ее ног, и были видны изящные светлые ботиночки на высоких каблуках.

Ее лицо было по-прежнему спокойно и равнодушно. Остановилась перед своим спутником.

— Я хочу уйти отсюда, — негромко произнесла она, глядя куда-то в сторону. — Мне здесь не нравится.

— Но, милая... — терпеливо начал мужчина, взяв ее за руку.

— Я хочу уйти, — повторила она. Осторожно убрала руку и пошла к выходу.

— Голубчик, так что же мы решили? — спросил профессор, с интересом наблюдая за всей этой сценой.

— Вы же видите — она не хочет! — прошептал в ответ мужчина. — Она иногда бывает такой упрямой! Но ничего, я попытаюсь ее переубедить...

— Ну-ну... — без всякого энтузиазма пробормотал тот.

— Нет, я ее уговорю, и мы к вам вернемся. Завтра же, я думаю...

Но ни завтра, ни послезавтра, ни в другой день в стенах этого старинного здания с мраморными колоннами Дезире, равно как и ее спутник, больше не появлялась.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ровно в половине седьмого зашуршала приборная панель на музыкальном центре, и комнату заполнили звуки «Венского вальса».

— Только этого не хватало!.. — сонно пробормотала Оля и ощупью нашарила на прикроватной тумбочке пульт дистанционного управления. Нажала на верхнюю кнопку, и музыка мгновенно затихла.

Вчера вечером Оля забыла отключить функцию будильника и теперь расплачивалась за свою рассеянность.

Она попыталась было снова задремать, но, как часто бывает, сон не захотел возвращаться.

Было тихо — воскресенье, и лишь изредка сквозь полураскрытую форточку доносилось шуршание проезжавших мимо машин. Комната была погружена в серый сумрак — день еще не спешил сменить ночь.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть... — принялась Оля считать вслух. — Ну да, шесть дней. Через шесть дней я ему все скажу. Всего-то ничего осталось!

Она повернулась на другой бок, свернулась калачиком и засмеялась, обхватив плечи руками.

Еще никогда она не чувствовала подобной эйфории. Это было как... нет, пожалуй, даже таких слов не

было, с помощью которых Оля могла бы объяснить творившееся с ней.

Во-первых, в следующую субботу ее жениху, Викентию Локоткову, исполнялось тридцать пять лет. Круглая дата!

О подарке Оля стала задумываться еще осенью, в конце ноября. Новая модель электробритвы? Свитер, связанный собственноручно? Чернильный прибор из мрамора с фигуркой резвящегося Купидона?.. Полный бред. В бритвах Оля не разбиралась, вязаных свитеров Викентий терпеть не мог — у него была аллергия на шерсть, а чернильный прибор ему даром был не нужен. Зачем чернила, когда есть компьютер с лазерным принтером, способным за несколько секунд распечатать любой текст?! И вообще прибор этот в сувенирном отделе ближайшего универмага стоил полторы Олиных зарплаты — всем известно, какие деньги получает нынче рядовой врач-физиотерапевт, работающий в районной поликлинике...

Оля мучилась-мучилась сомнениями, а потом поняла, что она подарит Кеше.

В том, что подарок понравится Кеше, Оля не сомневалась, ее беспокоило только одно: может быть, подарок следовало приурочить ко дню их свадьбы?..

Свадьба, кстати, была намечена на третье марта (это во-вторых и в главных), и до нее оставалось тоже всего ничего, каких-то две недели.

Она, бодрая, счастливая, выпрыгнула из постели и сразу же одной рукой схватилась за расческу, а другой — воткнула электрошипцы в сеть. Это были особые

щипцы, и предназначались они не для завивки кудрей, а, наоборот, для их выпрямления. Дело в том, что у Оли были светло-русые длинные волосы, безбожно вьющиеся. С ними она сильно смахивала на пуделя — так ей казалось, да и Эмма Петровна, Кешина мама, не раз на это намекала. Поэтому Оля решительно боролась со своими кудрями.

Пока щипцы грелись, Оля расчесывала волосы. Так и есть — за ночь они успели предательски съежиться, свернуться в аккуратные спиральки...

«Интересно, а что будет потом? — вдруг подумала она, глядя в зеркало. — Как бы мне хотелось, чтобы Кеша оставался со мной в выходные! Нет, мы, наверное, будем вместе навещать Эмму Петровну...»

Эмма Петровна была неплохой женщиной. Современной, ухоженной, интересующейся искусством, с собственными оригинальными суждениями... Правда, резковата иногда... Наверное, просто еще не успела привыкнуть к Оле.

Викентий обожал мать. Он был хорошим сыном и потому все свободное время старался посвятить Эмме Петровне...

Потом Оля валялась на диване и смотрела утренние передачи по телевизору. Как надо правильно готовить индейку, какие небывалые ощущения приносят занятия дайвингом у берегов Кубы, сколь удачно сделал перепланировку в своей квартире известный артист...

Оля смотрела, но на самом деле мысли ее были где-то далеко.